

Генри Лайон Олди

Сеанс магии с последующим разоблачением, или...

*Часть сборника
Фанты для фэна (сборник)*

Генри Олди

**Сеанс магии с последующим
разоблачением, или
Секстет для эстетов**

«Автор»

2005

Олди Г. Л.

Сеанс магии с последующим разоблачением, или Секстет для эстетов
/ Г. Л. Олди — «Автор», 2005

ISBN 978-5-457-10450-1

«Брали как-то у Игоря Черного, доктора филологических наук и профессора, интервью. Спросили, имея в виду любимую нашу фантастику: – Имеет ли смысл производить разделение по жанрам, или все-таки стоит подходить к книге любого жанра, как к представительнице литературы? И прозвучал ответ...»

ISBN 978-5-457-10450-1

© Олди Г. Л., 2005
© Автор, 2005

Содержание

1. Тезис: «Фантастика – это „жанровая“, „форматная“ литература, со своими жесткими жанровыми рамками. А настоящая, высокая литература не может быть жанровой (форматной).»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Генри Лайон Олди

Сеанс магии с последующим разоблачением, или Секстет для эстета

«Самое большое, с чем мы можем примириться, когда речь идет о фантастике, – это такая ее форма, которая возбуждает в нас мысли приятные и привлекательные.»

Вальтер Скотт, «О сверхъестественном в литературе».

«На реках вавилонских, там сидели мы и плакали...»
Псалом 136

1. Тезис: «Фантастика – это „жанровая“, „форматная“ литература, со своими жесткими жанровыми рамками. А настоящая, высокая литература не может быть жанровой (форматной).»

Брали как-то у Игоря Черного, доктора филологических наук и профессора, интервью. Спросили, имея в виду любимую нашу фантастику:

– Имеет ли смысл производить разделение по жанрам, или все-таки стоит подходить к книге любого жанра, как к представительнице литературы?

И прозвучал ответ:

– Жанр? Какой жанр? Это называется непрофессионализм. Жанр, он один – роман. Такой жанр – «роман». А дальше уже идет внутрижанровая типология. Есть роман исторический, есть роман производственный, есть роман фантастический. Дальше идет в фантастическом романе разделение на подвиды и типы: фэнтези, сайенс фикшн, историческая фантастика и так далее. Деление все более мелкое, мелкое и мелкое. Точно так же, как и жанры: повесть, рассказ и так далее. Разделение на жанры и виды идет с классиков, с Аристотеля...

Ладно, допустим, большинству эстетически непоколебимых граждан, твердо уверенных, что великая правота у них в кармане, а лучшая нравственность спит в их постели, это интервью – не указ. Тогда позвольте цитатку – с пылу, с жару, из Большого-пребольшого энциклопедического словаря:

«Жанр (франц. genre) – исторически сложившееся внутреннее подразделение искусства; тип художественного произведения в единстве формы и содержания. Эпический жанр (героическая поэма, роман, рассказ), лирический (ода, элегия, стихотворение, песня), драматический (трагедия, комедия); более подробно определение исходит из преобладающей тематики (роман бытовой, психологический и т. д.).»

Нетушки, говорит наш досточтимый оппонент. Это все немцы придумали.

Хорошо, повторим для внятности:

«Разделившись на роды (эпос, лирика, драма), каждый род литературы в свою очередь далее дифференцировался на виды и жанры. Жанры эпоса в свою очередь разделяются на большие (эпопея, роман), средние (повесть) и малые жанры (новелла, рассказ, сказка, басня, очерк, эссе).»

Откуда дровишки? А вот отсюда: учебник «Теория литературных жанров», автор – Пронин В. А., доктор филологических наук, профессор.

Эй, оппонент! Зеваешь? Тянешься за пивом? Не убеждает? Не приводит в священный трепет?! Хорошо. Зарываемся по уши в чертову уйму разного рода диссертаций, научных работ и трактатов яйцеголовых специалистов: «Жанр рассказа в творчестве М. Зощенко», «Различение жанров басни и притчи», «Жанр повести в творчестве А. Пушкина и Н. Гоголя», «Новелла как жанр английской литературы», «Эссе как литературный жанр»...

Нет, говорит оппонент, подкованный, как блоха Левши. Нет, и быть не может. Вот вам всем кукиш из широких штанин. Раз масса говорит, что фантастика – жанр, значит, жанр, и баста. Масса ошибаться не может. Массе, в особенности широкой, как те самые штанины, ваши литературоведческие вытребеньки по барабану. И узкой, интеллигентной массе, стонящейся широкополосного быдла, тоже по барабану. Ишь, чего удумали: роман им жанр, рассказ им жанр...

Хорошо, ударим в барабан и мы.

Х. Ортега-и-Гассет в «Размышлениях о романе», в самой первой части «Упадок жанра» пишет: «Издатели жалуются: романов не покупают. Действительно, романы сейчас распродаются хуже, чем раньше, тогда как спрос на сочинения идеологического характера, напротив, растет. Уже и эти статистические выкладки наводят на мысль о кризисе жанра, и, когда кто-либо из моих юных друзей, особенно начинающий писатель, говорит, что сочиняет роман, я до глубины души поражаюсь его спокойствию. Я бы на его месте дрожал от страха.»

И вскоре следует вывод: «Роман – медлительный жанр.»

Эй, юные друзья, писатели-фантасты! Позвольте и нам поразиться вашему олимпийскому спокойствию, с которым вы выдаете в год три-четыре сотни фантастических романов. Слышите знакомое, разумное, доброе и вечное слово: «кризис»? Подставляем вместо «кризис жанра романа» – «кризис жанра фантастики», и получаем тот плач Ярославны, который льется ныне с каждой крепостной стены...

Умники, констатирует оппонент, съевший зубы на эльфах, собаку – на звездолетах, и печень – на конвентах. Семь пядей во лбу, и каждая винтом завитая. Ишь, заморского Х. с ругательной фамилией приплели! Ближе надо быть к народу. Иначе надо мерять. Вот он, универсальный критерий, по которому кандидатов на грядущие фантастические премии заталкивают в прокрустово ложе номинаций: рассказ – объемом от нуля до двух авторских листов, повесть – от двух до восьми, роман – свыше восьми. Объем замерили, и баста. Мало ли, что А. Пушкин назвал «Евгения Онегина» романом! Меньше восьми листов? – даже зная, что листаж в поэзии считается иначе, чем в прозе, берем в руки калькулятор, умножаем число строк на число страниц, делим полученную цифру на семьсот... Ай да Пушкин, ай да сукин сын! Тянул-тянул, и не вытянул. Чутко меньше погонных... простите, романых восьми метров выходит. Берем все собрания сочинений Пушкина, зачеркиваем «роман» и пишем поверх «повесть в стихах». Или лучше: «поэма». Привычнее глазу.

Что говорите? Поэма – это «Мертвые души» Гоголя? Ну, классики, ну, удружили...

В труде «Теория литературных жанров» есть такой пассаж: «В 1888-м году Ги де Мопассан опубликовал роман „Пьер и Жан“, которому он предпослал предисловие, озаглавленное „О романе“. Речь в нем идет о том, что же такое роман, как жанр, и сколь он многообразен. Писатель задается вопросом: „Если „Дон Кихот“ роман, то роман ли „Западня“? Можно ли провести сравнение между „Тремя мушкетерами“ Дюма, „Госпожой Бовари“ Флобера, „Господином де Камор“ О. Фейе и „Жерминалем“ Золя? Сегодня можно было бы добавить и романы двадцатого века, такие, как „Улисс“ Джойса, „Процесс“ Кафки, „Мастер и Маргарита“ М. Булгакова, „Тихий Дон“ М. Шолохова, „Лолита“ В. Набокова...“ Мопассан, однако, был прав, видя во всех перечисленных романах единство авторской позиции, которая заключается в постижении глубокого и скрытого смысла событий, возникающих на основе наблюдений и размышлений над тем, что происходит в мире. Этот критерий жанра актуален и сегодня.»

Вот и нам хотелось бы почесать пером в затылке: если в качестве примера взять ряд фантастических романов – «Эфиоп» Б. Штерна, «Черный Баламут» Г. Л. Олди, «Солдаты Вавилона» А. Лазарчука, «Война за Асгард» К. Бенедиктова, «Армагед-дом» М. и С. Дяченко, и так далее – что между ними общего? Да, все это романы. Со всем набором признаков именно романа, как жанра:

– Полифоничность (читай, большое количество сюжетообразующих линий повествования). Предвосхищая встречный вопрос, отвечаем сразу: большое – это значит, больше двух.

– Принцип «многоязычия». По М. Бахтину, монологическая точка зрения на мир есть отдельный социальный язык – «язык крестьянства», «язык поколения», «язык молитвы», «язык политического дня» и т. п. – каждый из которых представляет отдельный способ осмысления мира. Роман – это победа «диалога» над «монологом», смешивающая несколько таких языков, несколько точек зрения на мир, так сказать, в одном флаконе; роман – «воплощенная стихия взаимоосвещения языков.»

– Расширенное пространство текста (географическое, хронологическое, интеллектуальное, социальное, эстетическое и пр.).

– Усложненная фактура повествования (отступления лирические, исторические, пейзажные, психологические и др.), то есть «глубокий и скрытый смысл событий на основе наблюдений и размышлений за происходящим в мире».

Итак, первая точка соприкосновения найдена. Романы? – да. Но фантастика, в попытках названная жанром, трещит по швам, пытаюсь вместить абсолютно разное содержание и не менее различную форму этих книг. Трещит именно как жанр; в ином качестве она чудесно вместит еще сотню разнообразнейших романов. Тогда берем матушку нашу фантастику и режем пополам, на две общепринятые широкой массой части: фэнтези и «сайенс фикшн». Что есть фэнтези, кровная половинка? – ах, опять жанр... Продолжим вивисекцию. Кромсаем каждую часть матушки нашей на более мелкие ломтики: киберпанк, космическая опера, альтернативная история, криптоистория, литературная сказка, мистика, хоррор, гротеск, сатирическая «небывальщина», юмористическая...

Что есть каждая частица? – опять жанр?!

Какая-то амеба получается: как ни режь, опять целая амеба...

Или, если угодно, гидра.

Ситуация напоминает происхождение словесного паразита в виде слова «стёб». Раздуваясь и разевая смрадную пасть, он проглотил тонкости и оттенки, краски и смыслы, заключив в зловонную утробу все: юмор и сатиру, насмешку и пародию, сарказм и иронию, памфлет и эпиграмму... Куда ни ткни, что ни напиши, тебе гордо хихикают в ответ: стёб! стёб! стёб!!!

Так и с фантастикой.

Жанр.

Низкий.

А оппонент – высокий и страшно изысканный.

Что ж это получается, леди и джентльмены? Талдычим, как попки, про вульгарный жанр фантастики, во всеуслышанье осуждаем жанровость, как корень всех бед беллетристики, а король-то голый? Если говорим, что жанровость – это плохо, тогда давайте осудим роман, рассказ, оду и элегию, эссе и басню... Вот они, жанры! Вот они, низкие! Ату их!!! Или просто мы придумали несуществующий жупел, чтобы радостно плясать вокруг и кидаться банановыми шкурками?

Вальтер Скотт в статье «О сверхъестественном в литературе» («Фореин куотерли ревью», 1827 г.) рассматривает фантастику, как один из «методов отображения чудесного и сверхъестественного в литературе», в качестве записного фантаста называя Э. Т. А. Гофмана. Дело в том, что мудрый сэръ Вальтер видел: фантастический метод – не единственный,

позволяющий отобразить чудесное. А этимология слова «Фантастика» происходит от греч. *phantastike*, что значит «искусство воображать», без которого художественная литература, да и все искусство в целом невозможны в принципе. Т. е., мы упираемся в банальность, которую упрямо не хотят замечать: фантастика как метод, как один из большого набора инструментов писателя, может присутствовать хоть у Пушкина, хоть у Пупкина.

Что не унижает Пушкина и не возвышает Пупкина.

Фантастика же как совокупность методов расширяется до течения, отдельного направления в литературе, будучи в прямом родстве с романтизмом и символизмом, реализмом и сюрреализмом. Мощное течение полноводной реки, струящей воды меж двух берегов: пологий склон «достоверности» и круча «вымысла». Здесь найдется место всякой струе: мистике и ужасам, альтернативной истории и фэнтези, космоопере и бурлеску... А набрать воды из реки можно во флягу (рассказ), в ведро (повесть) или в бочку (роман).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.